

«ЭКСМО»
КОЛЛЕКЦИЯ

Николай ЛЕОНОВ

ПРИСТУПАЮ К ЗАДЕРЖАНИЮ

Николай Леонов

Приступаю к задержанию

«ЭКСМО»

Леонов Н. И.

Приступаю к задержанию / Н. И. Леонов — «Эксмо»,

«...Виктор закурил и оглядел присутствующих.— Сегодня в семь тридцать Казакова обнаружили в номере с перерезанным горлом. Казаков сидел в кресле с намыленным лицом, рядом на полу валялась опасная бритва...»

© Леонов Н. И.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Казаков	6
Приходько	8
Шахов	10
Друянов	13
Снова Казаков	16
Глава 2	17
Леночка	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Николай Леонов

Приступаю к задержанию

Глава 1

Приезд

**Шифротелеграмма. МОСКВА. УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК. ГОТОВЫ
ВСТРЕЧЕ. ПОДТВЕРДИТЕ ВЫЛЕТ ЗНАКОМОГО.**

Казаков

Казаков сбежал по трапу самолета, остановился и медленно, с хрустом потянулся. Ему хотелось петь, кричать, танцевать. Он едва удержался, чтобы не пуститься в пляс прямо здесь, на шероховатых плитах аэродрома.

– Можешь ты хоть в отпуске не суетиться? – услышал он мужской недовольный голос.

– Витенька, скорее, опять мы будем последними, – причитала маленькая женщина, которая одной рукой тянула говорившего за рукав, а другой прижимала к груди многочисленные свертки.

Казаков сочувственно посмотрел на мужчину, по-мальчишески поддал ногой маленький камешек и, засунув руки в карманы брюк, пошел к зданию аэровокзала.

Пусть только две недели, но он будет отдыхать, как ему хочется. Казаков получил чемоданы и, насвистывая привязавшуюся еще в Москве мелодию, вышел на площадь.

Он смотрел на своих суматошных попутчиков, которые дружно осаждали несколько такси.

Водители стояли около машин, оценивающе разглядывая претендентов. Потом, видимо сторговавшись, лениво обходили машину и открывали сами. Наконец последняя машина, грузно осев на рессоры, умчала свою добычу от аэровокзала. Казаков равнодушно посмотрел ей вслед. Начинать отпуск с пошлой схватки за место в тесной машине не хотелось. Он подхватил чемоданы и зашагал в ресторан.

При входе в здание аэровокзала целовались две девушки.

– Вот и увиделись, Оленька, – услышал Казаков восторженный возглас.

Девушки сделали по шагу назад, окинули друг друга взглядами, быстрыми движениями поправляя прически.

– Ой, я тебя намазала, – маленькая толстушка в голубом кителе Аэрофлота всплеснула руками и, приподнявшись на носках, стала тереть щеку подруги.

– Дико извиняюсь за нарушенный интим, – растягивая слова, сказал Казаков. – Но мне необходимо...

Подруги повернулись, как по команде, презрительно фыркнули и, не выслушав, что именно ему необходимо, перебивая друг друга междометиями, вошли в ресторан и поспешили в угол зала, где сидели четверо мужчин. Крепкие парни расстегивали форменные кители и бросали фуражки на стол с таким видом, будто пришли из Москвы пешком.

– Накормлю же я вас, ребята, – сказала одна из девушек, ловко поправляя скатерть и расставляя приборы. – Шашлык не берите...

Продолжения разговора Казаков не слышал, так как официантка нагнулась и обсуждение меню продолжалось вполголоса. Ее подруга пересаживала мужчин по своему усмотрению и уселась сама, удовлетворенно оглядывая мощное летное семейство. Казаков сел за соседний стол, лицом к хозяйственной стюардессе. Он ощупал глазами ее плотную полногрудую фигуру, широко улыбнулся, перехватив ее кокетливый взгляд.

«Не „Арагви“ и даже не „Прага“, – просмотрев более чем скромное меню, подумал он.

Развалившись на стуле, Казаков продиктовал нетерпеливой официантке заказ: икра, коньяк, бифштекс. Икру он не любил, пить в такую жару, да еще с утра, не хотелось, в бифштекс этого ресторана он не верил. Но нужно же было как-то отпраздновать начало новой жизни, к которой он готовился несколько лет.

Человек сам творец своего счастья! Эту формулу Казаков старался выполнять всегда – или по возможности.

Он чуть расслабил узел галстука. Теперь можно позволить себе быть неторопливым. Медленно потягивая ароматный коньяк, он в который уже раз заново составлял расписание предстоящего отдыха.

Казаков вынул из кармана маленький календарь и пересчитал дни до числа, обведенного в календаре карандашом. Хотя слева направо, хоть справа налево – все равно десять. Потом придется забыть и море, и пальмы, и даже девочек.

Компания за соседним столом, возбужденно обсуждавшая важную проблему – выпить или нет, мешала сосредоточиться.

– Мальчики, ради меня, не надо, – говорила стюардесса, заглядывая в лица мужчин.

– Ольга, не бей ниже пояса, – басил коротко стриженный брюнет. – Бутылку на всех, и поехали. Верно, ребяташки?

Казаков не дождался окончания спора, допил рюмку, положил деньги на стол и вышел.

Вначале показалось, что рассчитал он правильно. Свободные такси рядком стояли у тротуара. Но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что нужная машина только одна и та уже занята. Счетчик выбивает план, водитель дремлет, а пассажира не видно.

– Пошел выпить, – пояснил пробудившийся было водитель и снова надвинул фуражку на глаза.

В это время к машине подбежал мужчина. В руках у него топорщились зажатые между пальцами запотевшие бутылки пива.

«Пару уже выпил», – отметил про себя Казаков, глядя на мелкие капли пота, обильно выступившие на лбу незнакомца. Тот, не обращая на Казакова внимания, аккуратно укладывал принесенные бутылки на заднее сиденье.

«Труженик села на заслуженном отдыхе», – подумал Казаков, разглядывая старенькую, потемневшую между лопатками тенниску и широкие, пузырящиеся на коленях брюки.

– Готово, – удовлетворенно буркнул мужчина, выпрямляясь.

Только сейчас Казаков заметил, что любитель пива ему по плечо.

– Вы случайно не в город? – спросил Казаков.

– Случайно в город, – ответил любитель пива, подняв на Казакова светло-голубые глаза.

– Меня не прихватите, товарищ? – Казаков почувствовал какую-то неуверенность под пытливым взглядом совсем светлых глаз.

– Прихвачу, товарищ, – весело ответил крепыш. – Отчего не прихватить, если по дороге, – продолжал он, закуривая.

– Тогда минуточку, я сбегаю за вещами, – уже на ходу сказал Казаков.

– Можете даже сходить – на работе набегались, – услышал он вдогонку веселый голос.

**Шифротелеграмма. МОСКВА. УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК.
ПРОВЕРЬТЕ, СООБЩИТЕ, НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ ЛИ РАСПИСАНИЕ
ИНОСТРАНЦЕВ.**

Приходько

Визг тормозов и головная боль действовали на нервы.

Надо же было вчера надраться! Вел себя как мальчишка. Хорошо, хоть Поддымов не приехал провожать. А то быть беде.

Вспомнился вчерашний разговор с Поддымовым, предложение которого оказалось таким неожиданным и заманчивым.

– Не совсем твой профиль, – закончил разговор Поддымов, постукивая по ладони очками, – но, учитывая опыт, думаю, справишься.

Говорил он уверенно, как о давно решенном. Этот уверенный тон понравился Приходько, и он согласился.

Машину тряхнуло сильнее обычного. Приходько придержал рукой бутылки, устроился поудобнее и стал смотреть в окно. Но новые впечатления не заглушали нахлынувших воспоминаний.

Трудно поверить, что только месяц прошел с того дня, как он вкалывал на строительстве моста. Кажется, будто было это давным-давно. А сейчас машина, скорость и впереди море. Пока все отлично. Приходько не любил заглядывать далеко, считая, что все строится по кирпичику, плотно, один к одному, каждый на своем месте. И Поддымов такого же мнения. Так и сказал, когда отстранял Петра: не бренчи нервами, не заглядывай в космические дали, спокойно работай сегодня, спокойно спи, а завтра работай еще спокойней.

Жестко он с Петром, но правильно. Нельзя неоправданно рисковать, и работать на глазок нельзя. Вообще-то Поддымов мужик крутой, но ужиться с ним можно. Вчера, вручая Приходько билет и документы, сказал сухо: «Море, дорогой, а потом мы с тобой развернемся. Главное, хороший старт». Нет, стоящий он, зря ребята говорят, что зверь.

Приходько закурил и посмотрел на своего попутчика. Тонкая шея, розовые уши, словно лопухи, торчат в стороны, просвечивая темными прожилками.

«Отдыхать хочет, – подумал о нем Приходько с неожиданной симпатией. – Что же, каждому свое», – вспомнил он любимую фразу Поддымова.

Опустив стекло еще ниже, он жадно вдыхал свежий воздух. Грязь и песок, солнце и дождь, мороз и ветер, серые лица – все позади.

– Хорошо, – произнес он вслух.

– Что вы сказали? – попутчик обернулся.

– Хорошо, говорю, – показал Приходько на выплывающее из-за поворота море. – И давайте знакомиться – ведь мы сейчас коллеги. Приходько Иван Николаевич, – и протянул руку.

– Казаков Игорь Львович, – ответил попутчик. – Простите, а почему коллеги? Вы тоже юрист?

– Я инженер, милейший, – ответил, смеясь, Приходько. – А на курорте все коллеги. Все мы носим высокое трудовое звание отпускников.

– Юрист тоже неплохо, – возразил Казаков, – особенно тот, который людей направляет обратно, а не туда, – он пояснил жестами, что такое «туда», а что «обратно».

– Ну, это ты брось, – вмешался водитель, – есть людишки – так их следует только туда, никаких обратно.

При слове «обратно» он сделал лихой вираж. Приходько, завалившись, чуть не выдавил дверцу машины. Обратный вираж мгновенно вернул его к исходной позиции.

Казаков, схватившись одной рукой за спинку сиденья, другой размахивал в воздухе.

– На дорогу смотри, – выкрикнул он, – людей везешь, убийца! Разобьешь – в тюрьму посадят.

– Вот это и есть – туда, – флегматично буркнул водитель, – только тебе это будет уже все равно, – добавил он и выплюнул в окно изжеванный окурок.

«Да, дорога здесь не для нервных», – подумал Приходько.

– Верно, много денег везешь, – начал опять водитель и подмигнул Приходько в зеркало. – С мощной – они все пугливые. Наш брат, шофер, этот факт давно заметил.

– Вот напишу твоему начальству, – Казаков постучал пальцем по табличке с указателем адреса и телефона таксопарка, – что ты смотришь не на дорогу, а в карман пассажиру.

Приходько с удовольствием следил за перепалкой. «А вот и не напишешь, – думал он, разглядывая на свет перепончатое ухо Казакова. – Такие крикуны не пишут».

Видимо, водитель был такого же мнения, так как независимо сказал:

– Пиши, дорогой. У нас писателей народ уважает, – и демонстративно отвернулся.

Начинался город.

– Вот он, лучший из курортов нашей Родины, – голосом уличного зазывалы начал излагать оживившийся опять водитель. – Чудеснейший город! Мало публики, уединение, тишина. Кафе и рестораны всегда готовы обслуживать вас.

Приходько видел в зеркале довольное лицо.

– ...Благоустроенный пляж, скучающие красавицы... Куда подавать? – шофер прервал себя на полуслове.

Такси, увертываясь от лениво фланирующих отдыхающих, настойчиво пробивалось к центру города.

Приходько перегнулся через спинку и спросил:

– Вас куда, Игорь Львович? Лично я в «Приморскую».

**Шифротелеграмма. МОСКВА. УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК. ЖДУ
СВЕДЕНИЙ О ВОЗМОЖНЫХ СВЯЗЯХ ЗНАКОМОГО В ГОРОДЕ.**

Шахов

Шахов вышел на балкон гостиницы и осторожно взмахнул руками. После вчерашней гимнастики тело побаливало, и Шахов, ругаясь и крича, начал разогреваться.

«Сто пятьдесят какая-то последняя попытка начать новую жизнь», – думал он, размахивая руками. В успех задуманного он сам не верил. Неделя, ну две – на большее его не хватит. Потом появятся объективные причины, исключающие гимнастику, и все его мечты разлетятся в прах.

Много лет назад, когда его увлечением стал бокс, однажды на тренировке Шахов услышал за своей спиной реплику:

– Способный лодырь. Ну, ничего, узнает, что на ринге бьют не только по самолюбию, на том и закончит.

Тогда он страшно разозлился. Проявлял чудеса работоспособности. Хотел доказать всем, а прежде всего самому себе, на что он способен. Однако многого не добился. Победы были, но дальше второго разряда Шахов не пошел. Многие его приятели стали мастерами, добились известности на всесоюзном, а затем и на международном ринге. А он скоро начал жалеть себя, каждый раз находя веские оправдания. То причиной пропуска тренировки была девушка – неудобно же появляться у нее с разбитым носом, то страхи матери, то еще что-нибудь в таком же роде. И тогда, и тем более сейчас он знал, что основной причиной была лень. Настоящий бокс требует работы – работы и самоограничений. А в те годы он не очень любил работать и слишком любил себя.

Но одиннадцать лет, проведенных на ринге, научили его многому. Кулаки противников приучили его уважать любого соперника, каким бы слабым и беспомощным он ни казался. «Только лежащий не страшен», «Даже в самой выгодной ситуации можно проиграть» – эти первые заповеди ринга Шахов взял на вооружение, несколько переделав их на свой лад.

Появилась испарина, двигаться стало легче, и Шахов повеселел.

На балкон соседнего номера вышел Друянов, с которым Шахов познакомился вчера в ресторане. Они вместе провели вечер за преферансом. Друянов вынес стул и уселся на него верхом. Руки его почти касались пола, а ноги переплелись так, что нельзя было понять, где какая нога. Подбородком Друянов уперся в спинку стула. Блеклые, из-под набрякших век глаза его на крупном, резко очерченном морщинами лице бесцеремонно и иронически разглядывали потеющего Шахова.

– Михаил Алексеевич, оставите нас без веранды, – сказал Друянов, позевывая. – В вас ведь, наверное, килограммчиков сто?

– Девяносто два, – уточнил Шахов, швырнул скакалку в номер и, повернувшись к собеседнику спиной, начал бой с тенью.

Он и без комментатора знал, что юношеской стройностью не обладает. А в день приезда, встав на весы, которые в городе торчат на каждом углу, Шахов только тихо ахнул. И сейчас, вместо того чтобы признать тщетность своих стараний и прекратить это бессмысленное самостязание, Шахов ожесточенно наносил по воздуху хуки и апперкоты.

– Думаете, перед вами Казаков или Приходько? Сходи при восьмерной с маленькой, и не пришлось бы сейчас избивать воображаемых партнеров, – не унимался Друянов, напоминая Шахову о его вчерашней оплошности в преферансе.

Шумно выдохнув на последнем ударе, Шахов вытер пот и подошел к своему зрителю, противнику и судье.

– Кажется, Александр Викентьевич, мы вчера платили вдвоем, – отпаривал он, – так что одного из этих грабителей я оставляю вам.

И пока Друянов распутывал свои длинные, как у спрута, конечности, Шахов, довольный нанесенным ударом, отправился в душевую. Вдогонку он услышал голос Друянова:

– Зайдите, когда соберетесь.

Шахов сполоснулся под душем, накинул халат и, подойдя к зеркалу, стал причесываться. «Ну и внешность, – думал он, критически разглядывая свое лицо. Шахов потрогал деформированные скулы, надбровные дуги, неоднократно перебитый нос. – Сильным хотел быть, теперь ходи с такой фотокарточкой. Хотя многим женщинам нравится», – успокаивал он себя.

Потом Шахов оделся и несколько минут бесцельно ходил по номеру. Отдохнуть бы недельки две. Не думать ни о чем и спать спокойно. Быть самим собой и не изображать невесть кого. «Поздновато спохватился», – вздохнул он и вышел в коридор.

– Михаил Алексеевич, – услышал он голос Леночки, дежурной по этажу, – вам просили передать, что все будут в десятом, у Игоря Львовича.

Десятый номер занимал Казаков. Но первое, что увидел Шахов, войдя, были ноги в ботинках не меньше сорок шестого размера: Друянов сидел в кресле и изучал старую газету. Это была даже не газета, а совершенно измятый обрывок, в который когда-то заворачивали купальные принадлежности или завтрак. Что могло заинтересовать Друянова, что он мог там вычитать – понять было невозможно, но он самозабвенно углубился в это занятие.

Номер – вчера здесь происходила карточная баталия – напоминал выставку изделий легкой промышленности, оформленную бездарным художником. На спинках стульев и на открытых дверцах шкафа живописно были развешаны разноцветные джемперы и пуловеры. На кровати рядом с галстуками лежал набор маникюрных принадлежностей, на брюках валялись сетка для волос и баночки с кремами.

Шахов остановился в центре, стараясь найти кусочек свободной территории.

Перешагнув через ноги Друянова, в номер с веранды вошел Приходько.

– А, Михаил Алексеевич! Исключительно замечательно! С добрым утром, – радостно сказал он, пожал руку Шахову и лукаво подмигнул в сторону Друянова. – Надеюсь, вы не переживаете вчерашнюю неудачу?

– Понятия не имеете о преферансе, – не отрываясь от газетного клочка, огрызнулся Друянов. – В ближайшей пультке я с вас всех шкуру спущу. Отложите деньги на обратную дорогу.

Шахов и Приходько рассмеялись.

– Где же хозяин этой выставки? – спросил Шахов, поднимая с пола голубые в полоску шорты.

– В ванной, бреется, – ответил Приходько, с любопытством разглядывая белый в искорку галстук. – Пользуется опасной бритвой.

Взяв галстук, он приложил его к своей голубой тенниске:

– Так что процедура долгая.

Друянов оторвался от чтения:

– Опасная бритва? Я думал, что это оружие давно сдано в металлолом.

Из ванной вышел Казаков. Молча кивнув Шахову, он взял со стола круглое зеркало и, задрав голову, стал изучать свое лицо.

– Можете взять себе любой, – сказал он Приходько, который продолжал перебирать галстуки так сосредоточенно, словно работал в отделе технического контроля.

– Спасибо, но пока я воздержусь, – ответил Приходько и с явным сожалением сложил галстуки на подушке.

– Может, нарисует коротенькую? – оживился Друянов.

Приходько решительно замахал руками:

– Нет, хватит. С вами и моря не увидишь. Вы как хотите, а я на пляж.

– Верно, пора к водичке, – посмотрев на часы, сказал Шахов. А про себя закончил: «Через сорок минут у меня свидание, о чем знать вам совершенно не обязательно».

Шифротелеграмма. МОСКВА. УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК. ОСТАНОВИЛИСЬ В ПРИМОРСКОЙ. КОРРЕСПОНДЕНЦИЮ ЖДУ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ.

Друянов

Друянов отплыл далеко от берега, широко раскинул руки и удобно улегся на упругой воде. С берега доносились разноголосые выкрики, смех, глухие удары по мячу.

Настроение было отвратительное. Он знал, что, пока не обнаружит и не проанализирует причины плохого настроения, перемен не произойдет.

Вроде все складывалось отлично – устроился в «Приморской», время не поджимало, и люди вокруг неплохие, и погода хорошая. Так в чем же дело?

Ну, прежде всего, конечно, преферанс. Опять не удержался, даже здесь, сейчас, когда голова нужна ясная, а нервы спокойные. Ему уже не тридцать, пора уметь сдерживать себя. Не отдыхать приехал, дело предстоит такое, какого даже в его многолетней практике, пожалуй, еще не было.

Друянов нырнул, хотел достать дно, но, когда оставалось совсем немного, в уши навалилась невыносимая тяжесть и он судорожно рванул вверх. Отдышавшись и успокоившись, он снова лег на спину.

На преферансе надо поставить точку. Соблазнился пулечкой, благо, партнеры подобрались сильные, что на курорте редкость, да и живут рядом.

Инженер – мужик на первый взгляд симпатичный, ловкий, добродушный, с быстрым простонародным говорком. Видимо, скромный. Сказал вскользь, что был где-то на Севере, на стройке. На вопрос ответил шутливо: так, один мост, ничего особенного. Заметно, что человек давно не отдыхал. Всем доволен, всему радуется.

Казаков? Не очень приятный тип. Может быть, не надо было с ним знакомиться? Но очень это интересно, посмотреть на такого Казакова в быту. И то хлеб. В любом человеке что-то есть. Главное, найти, и тогда уже легче. Есть за что уцепиться.

Ничего Друянов с собой сделать не может. Подвергает сомнению слова и поступки окружающих.

Шахов – спортивный работник. Вчера в Москве был большой футбол. А он даже результатом не поинтересовался. И лексикон не тот. Спортсмены – те с утра до вечера: координация, реакция, федерация. И гимнастику их палкой не заставишь делать. Все равно что кормить ребенка манной кашей. Только и остается, что физиономия да сила. Тянет его, Друянова, к сильным людям.

Друянов попытался переключиться на деловые размышления, но в голову упрямо лез вчерашний мизер, который нахально сыграл Шахов.

Друянов поплыл к берегу. Потом он пообедал, отдыхал, а часов в восемь вышел на улицу, погулять около гостиницы. Где-то рядом звенела гитара, и глухой голос пел что-то сентиментальное.

Друянов обогнул клумбу. На лавочке, за акациями, в окружении бронзовой молодежи сидел Шахов. Чуть склонив голову, как бы прислушиваясь к инструменту, он перебирал струны гитары.

Гвоздики алые, багряно-пряные,
Однажды вечером дарила ты...

Друянов подошел ближе и молча встал за спиной Шахова. Тот перестал петь и вынул из кармана папиросу. Сразу две зажигалки подставили Шахову свои услужливые языки. Он затянулся и оглядел ребят.

– Вот так, синьоры, простенько, но со вкусом, – сказал он.

Окружающие одобрительно зашумели. Круглолицая девушка с выгоревшей челкой и облупившимся носом смотрела на Шахова как замороженная.

– Ну что-нибудь еще, ну последнюю, – просила она.

Другие девчонки шушукались, то и дело поглядывая на Шахова. Мужская половина сдержанно молчала, давая понять, что каждый член их клана обладает полным суверенитетом.

Шахов перебросил папиросу из угла в угол рта и опять наклонился к гитаре.

– «На бульваре Гоголя опадают клены...» – начал было он, но вдруг выпрямился и отдал гитару белобрысому соседу. – На сегодня все. Видите, меня ждут. Я должен этому человеку, – сказал он, показывая на Друянова, – энную сумму денег. Так что извините.

Шахов встал, взял Друянова под руку, и они пошли к гостинице.

– Александр Викентьевич, – Шахов прижал локоть собеседника и заглянул ему в лицо, – когда приговор приведете в исполнение? Я имею в виду снятие шкур?

– Это барахло можете оставить себе. Никакой ценности они не представляют. Но с деньгами у вас будет плохо.

– Тем более, – заразительно рассмеялся Шахов.

Друянов еще вчера обратил внимание на это «тем более», произносимое Шаховым часто невпопад.

– Где же наши братья-разбойники? – спросил Шахов, входя в холл гостиницы. – Проверим сначала ресторан. Заодно и перекусим перед боем.

Шахов широко распахнул перед Друяновым массивную дверь.

В накуренном пьяном зале гремела музыка, официанты напоминали марафонцев на финише, а танцующие пары могли быть прекрасной иллюстрацией к диссертации на тему «Последний день Помпеи». Но и по этому залу Шахов шел легко, как по пустынной аллее, и Друянов старался держаться за его широкой спиной.

У одного из столов разгорался скандал. Буянил Казаков, защищая два свободных места.

– Брек, – сказал Шахов, вставая между Казаковым и его оппонентами и вынимая из их рук уже потерянные было для компании стулья.

– Садитесь, Александр Викентьевич. Я же говорил, что друзья ждут нас, – Шахов поставил Друянову стул.

Казаков, увидев в Шахове человека, руками которого можно одержать быструю и красивую победу, сделал шаг вперед.

– Сядь, Игорек, – ласково сказал Шахов и повернулся к наступающей паре претендентов. – Вы ко мне?

Претенденты были еще недостаточно пьяны и правильно оценили обстановку.

– Да что вы, мы ничего, – сказали они в один голос, – раз занято, то законно. – И, стараясь держаться прямо и независимо, пошли между столиками.

– Пьяных не люблю, – сказал Шахов, садясь за стол.

Приходько сидел здесь же, разливая водку и пиво, раскладывая закуску.

– Надо было двинуть разок, – воинственно расправил плечи Казаков, – ишь, сосунки.

– Бросьте, все исключительно замечательно. Здесь ссоры ни к чему. Курорт, отдых, да и иностранцы рядом, – сказал Приходько, довольно потирая руки. По-хозяйски оглядев накрытый стол, он подвинул пришедшим чистые тарелки и налитые рюмки. Друянов оглянулся и увидел, что за соседним столом действительно сидит шумная компания иностранных туристов.

– Ничего веселятся загнивающие капиталисты. Так и смердит от них деньгами и благополучием, – Казаков, скривившись, смотрел на женщину лет сорока, которая, держа в руках полный бокал, быстро говорила что-то своему веселому соседу. – Пужинал бы я с этой молодой красоткой, – продолжал Казаков.

– За отпускников, – Шахов поднял рюмку.

– Вот-вот, к черту капиталистов! За заслуженных отпускников, – Казаков торжественно встал.

Только сейчас Друянов заметил, что Казаков уже порядочно пьян. Это нарушало планы, и он, взяв у Казакова рюмку, поставил ее на стол: «Хватит».

– Вы мне не папа, слава богу, – Казаков посмотрел на Друянова пренебрежительно. – Но могу и не пить. Как остальные?

– Точно, – Приходько отодвинул свою рюмку, – мы уже.

Через минуту он вышел из-за стола и вернулся с официантом. Того шумно требовали со всех сторон, но он шел за маленьким Приходько, как привязанный.

– Пять двойных кофе и счет, – сказал Приходько, – но получите сначала.

Все полезли в карманы. Но он быстро расплатился и подтолкнул официанта. Тот поспешил за кофе, отмахиваясь от возмущенно тянущихся с других столов рук.

Умеренность Приходько поражала Друянова. Узнав, что инженер приехал с Севера, он приготовился наблюдать эдакий купеческий разгул с черной икрой и водкой в начале, с песнями и маловразумительными разговорами в конце.

Когда кофе был выпит, Друянов поднялся, с нарочитой торжественностью оглядел присутствующих, достал из кармана колоду карт и сказал:

– К барьеру, уважаемые, к барьеру.

Шифротелеграмма. МОСКВА. УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК. ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ИНОСТРАНЦА ОБЪЕКТ НЕ ВСТРЕЧАЛ. СВЯЗЕЙ НЕ УСТАНАВЛИВАЕТ. ПРИ НЕОБХОДИМОСТИ СВЯЖУСЬ С МЕСТНОЙ МИЛИЦИЕЙ. МОЙ ПАРОЛЬ: «РАД ПОЗНАКОМИТЬСЯ, Я ПРИЕХАЛ В ГОРОД РАБОТАТЬ».

Снова Казаков

Казаков проснулся раньше обычного и стал изучать пылинки в солнечном луче. Ни солнце, ни утренняя прохлада, ни даже вчерашний выигрыш – ничто его не радовало. Мысли, как пылинки, суетились и пропадали.

Неделя уже прошла, с каждым днем все труднее заставлять себя не думать о предстоящей операции. Неуверенность и приступы подозрительности отравляли последние дни отдыха.

Он встал, распахнул дверь на веранду и охнул. Вчера, играя в волейбол, он выбил палец.

– Виктор, кончай решать свой ребус-кроссворд. Идем скорее, – раздался внизу недовольный девичий голос.

Казаков вышел на балкон. Тоже заботы! Рядом что-то скрипнуло. Он быстро повернулся. Никого. Веранда была пуста. Так и свихнуться недолго.

Казаков вернулся в номер, захлопнул дверь и выругался. Большой палец на правой руке напомнил о себе острой пульсирующей болью. Он вызывающе торчал, как сварившаяся сарделька, которую вынули из кипятка за секунду до того, как ей положено лопнуть. Боль на время отвлекла Казакова от мрачных размышлений, и он смотрел на свой распухший палец даже с любовью.

Потом он стал готовиться к сложной процедуре. Достал стаканчики, кремы, бритву, оселок, кисточку. Но тут же понял, что побриться не сможет. Опасная бритва и выбитый палец не соглашались на мирное сосуществование.

Теперь иди в парикмахерскую. Обдерут физиономию, как наждачной бумагой. От такой мысли Казакову стало себя совсем жалко, и он с тоской посмотрел в зеркало.

В балконную дверь постучали:

– Игорь Львович, вы встали?

Глава 2

Убийство

Леночка

Ровный ряд дверей справа, ровный ряд окон слева. За три года работы Леночка свыклась с этой обстановкой настолько, что гостиница даже снилась ей по ночам.

Леночка была горничной, а последний месяц еще и подменяла подругу. Та сдавала экзамены в институт, и Леночка раз в три дня дежурила по этажу. Сама Леночка только весной окончила вечернюю школу и поступление в институт отложила до будущего года.

Дежурство протекало спокойно. Леночка сумела даже выспаться. Проснувшись около пяти часов, она не торопясь вытерла мокрой тряпкой пол, смахнула пыль с подоконников, полила цветы. Посмотрела на часы: шесть. Сменяют только в девять. Наступали самые томительные часы дежурства.

Открылась дверь четырнадцатого номера, и по коридору прошествовали супруги Нежинские. Высокий, губастый, с грустными подслеповатыми глазами и уже солидным брюшком – муж. С вечно недовольным лицом, поджатым ртом и приклеенной к носу бумажкой – жена. От этой пары всегда веяло скукой.

Женщина прошла мимо Леночки, едва кивнув. Мужчина аккуратно положил ключ, тихо поздоровался и пустился за женой.

По некоторым жильцам можно было проверять время. Вот и сейчас: если нытики из четырнадцатого пошли до завтрака на море, значит, осталось два с половиной часа. Леночка достала старый, потрепанный номер «Огонька» и в сотый раз начала разглядывать знакомые картинки.

– Доброе утро, Леночка, – услышала она голос в конце коридора. Это из своего номера вышел инженер Приходько. Он подошел и, приподнявшись на носках, повесил ключ на доску.

Леночка ответила улыбкой на улыбку и сказала:

– Здравствуйте, Иван Николаевич. Уже семь?

– Точно, Леночка, – ответил Приходько и, любовно прижав к себе коробку с шахматами, пошел в холл.

Леночка проводила его взглядом. Приходько был веселым и удобным жильцом. В номере у него всегда порядок, пепельница чистая, постель убрана. Даже пустые бутылки из-под пива инженер выносит сам. Да и режим дня у него железный: в семь завтракает в кафе на углу, где делает комплименты рыжей Зойке. Потом на скамейке целый час играет в шахматы. Весь день у него по минутам расписан.

К этой Зойке у Леночки отношение сложное. Леночке противно смотреть на быстро меняющихся ее мужей и женихов. Но Леночка знает, что Зойка добрая и несчастная. Как она любила своего летчика! Но однажды он улетел и не вернулся. Соседи судачили, что у него другая семья в Ленинграде. А у Зойки осталось горе и маленький Вовка. Леночка до сих пор помнит счастливое Зойкино лицо, когда она гуляла с тем летчиком по набережной. Помнит, какая Зойка была тогда гордая и неприступная.

А сейчас – Приходько. Но, кажется, это у них серьезно. Зойка разогнала своих кавалеров и даже краситься стала меньше.

Решив обмануть время, Леночка принялась за кроссворд, хотя не столько отгадывала слова, сколько разбирала каракули своих предшественников, основательно потевших над его разгадкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.